

УДК 316.63

© Н. А. Пегин, 2010

ЦЕННОСТНООРИЕНТИРОВАННАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Пегин Н. А. – канд. социол. наук, зам. председателя правительства ЕАО,
e-mail: peginn@mail.ru

Статья посвящена анализу социально-нравственных основ модернизации. Исходя из теории социальных сетей, автор определяет принципы, на основании которых возможно конструирование социальных групп, ориентированных на поддержку модернизации.

The article is devoted to the analysis of socio-moral bases of modernization. Based on the theory of social networks the author defines the principles which can be used for formation of social status groups oriented towards support of modernization.

Ключевые слова: модернизация, инновационная деструкция, социальные сети, сети лояльности, ценностная мотивация модернизации, молодежные сети.

Одной из широко обсуждаемых сегодня проблем стала проблема нравственных основ модернизации [1]. В целом обсуждаемую позицию можно представить в виде следующих утверждений. Модернизация, кроме финансовых и ресурсных вложений, требует нового качества личности, личности, одновременно ориентированной на инновации, на развитие, и укорененной в системе традиционных нравственных ценностей. Причина обращения к идее нравственности при обсуждении совершенно рациональной и прагматической проблемы социально-экономической модернизации страны достаточно очевидна. Ведь любые существенные социальные и экономические инновации, в том числе модернизационного типа, неизбежно связаны с изменением привычного образа жизни миллионов людей, сменой персонального состава элиты, базовых стратегий управляющих и управляемых. Все это способствует возникновению широкого круга недовольных, воспринимающих себя в качестве «жертв модернизации», «жертв реформ» [13]. Более того, внедрение новых производственных, финансовых и бизнес-технологий так или иначе сопряжено с явлением инновационной или креативной деструкции. Инновация, основанная на принципах, отличных от использовавшихся до ее внедрения, естественным образом приводит к разрушению старого

производства и замещению его новым. При этом стоимость активов, связанных со старым замещаемым производством, уничтожается, и, как следствие, создает транзакционные издержки для внедрения инноваций. Чисто экономический анализ этой ситуации возможен путем сравнения перспективных доходов от внедрения инноваций с транзакционными издержками, связанными с креативной деструкцией [8].

Подобная точка зрения, так же как и подавляющая часть экономических обсуждений инновационной деятельности, исходит из рациональной модели принятия экономических решений, между тем, очевидно, что, так как производство благ является частью социальной активности и обеспечивает не только доходом предпринимателей, но и средствами для существования тех, кто непосредственно занимается производством, рациональность не может рассматриваться только на основе «предпринимательской перспективы».

В анализ эффективности и оценку последствий внедрения инноваций помимо предпринимательской перспективы должна входить и общественная перспектива, которая предполагает включение в процесс анализа социальных издержек и преимуществ, связанных с инновационной деятельностью. Это немедленно политизирует всю проблему, так как задача по существу становится многокритериальной, а, следовательно, строго говоря, не имеющей единственного оптимального решения. Ситуация осложняется тем, что в случае наличия исключительных прав на использование инноваций предпринимательская перспектива оценки эффективности внедрения может входить в противоречие с общественной перспективой с другой стороны, а именно, задержка во внедрении купленной инновации может быть связана не с размером социальных издержек, а просто с нежеланием предпринимателя, представляющего собой, вообще говоря, коллективный субъект, по большей части устроенный как административная иерархия, нести административные издержки, то есть избежать проблем, связанных с перераспределением власти внутри административной иерархии предприятия вопреки очевидной полезности инновации для общества в целом.

Одним из следствий такой деструкции является то, достаточно очевидное, обстоятельство, что модернизация на начальной стадии реализации ведет к определенному снижению уровня жизни, а значит – формированию мощного оппортунистического движения, более или менее осознанно сопротивляющегося модернизационным процессам в экономике и в обществе. В условиях, когда в обществе существует достаточно широкий консенсус по поводу необходимости модернизации для страны, оппортунистические группы остаются локальными, а модернизация осуществляется. В противном случае в условиях нарушения консенсуса постоянно существует угроза возникновения движения социального реванша, тех или иных вариантов «отката» от достигнутого уровня модернизации. Как правило, последние проводятся под флагом «восстановления социальной справедливости», что сообщает им достаточно высокий уровень легитимности.

Следовательно, для того, чтобы модернизация страны оказалась успешной, необходимо формирование социального слоя, готового не только принять новации, но и пожертвовать частью своего комфорта, согласиться на снижение уровня жизни ради перспективы будущего процветания. Иными словами, для осуществления целерационального (в веберовском смысле [4]) проекта необходимо формирование социального слоя, ориентированного на ценностно-рациональное действие, действие, не предполагающее мгновенной отдачи. Понятно, что на такую роль не может претендовать население сверхстарших возрастов в силу того тривиального обстоятельства, что для них ценностно-окрашенное будущее страны уже не является их будущим. Как показал опыт последних двух десятилетий, при наличии выбора между потенциально значительным благом в будущем и сиюминутным, пусть даже незначительным выигрышем, представители сверхстарших возрастов отдают предпочтение первому варианту. Эта особенность довольно эффективно использовалась в ходе электоральных игр 90-х годов, но в условиях, когда властная элита ориентирована на изменения, модернизацию, может оказаться серьезной проблемой.

Не вполне подходит на роль «локомотива модернизации» и среднее поколение, пережившее потрясения распада СССР. Проблема здесь не только в социально-психологической травме, препятствующей конструированию сколько-нибудь долгосрочных проектов, но и в том, что многократная «смена курса» государства за последние десятилетия привела к сильнейшему снижению уровня доверия между обществом и этой социально-демографической группой. Определенное значение имеет и то обстоятельство, что наиболее активная и квалифицированная часть этой группы обладает устойчивым и вполне комфортным положением в рамках существующей структуры. Аутсайдеры же вряд ли воспримут идеи модернизации, просто в силу низкого качества человеческого капитала и страха лишиться имеющегося уровня социальной поддержки. С большей долей вероятности этот социальный слой пойдет по пути традиционного «оружия слабых». Поддерживая модернизационные процессы на уровне публичного дискурса, будет блокировать их, саботируя конкретные решения и программы. Понятно, что каждый социальный слой вполне может породить исключения, связанные с особой личной и групповой ситуацией. Однако анализируя результаты массовых опросов, мы вынуждены констатировать именно эти стратегии, как наиболее характерные [6].

Наиболее вероятными адептами модернизации в этих условиях выступают молодые люди. Заметим, что именно они традиционно были если не инициаторами, то наиболее активными двигателями обновления различных обществ. В пользу этого утверждения свидетельствует и ряд спекулятивных положений. Во-первых, именно для этой социально-демографической группы будущее представляет собой наиболее реальную временную структуру, просто в силу специфики группы, находящейся в процессе социального становления. Во-вторых, именно эта группа чаще других ориентирована на соци-

альное восхождение и болезненное переживает столкновение с социальным барьером на пути продвижения. В-третьих, именно молодые люди обладают наименьшими социальными накоплениями, устойчивым социальным статусом, а потому легче готовы пожертвовать настоящим во имя ценностно-окрашенного будущего. Однако для этого будущее должно быть ценностно окрашено, должны сформироваться особые социальные сети молодежи, ориентированные на поддержку модернизационных процессов, связывающие с ними свое будущее. Об этих сетях и пойдет речь далее.

Для решения задачи формирования молодежных социальных сетей, ориентированных на поддержку государственных инициатив, связанных с модернизацией, необходимо выявить теоретические основания выявления и описания такого рода сетей, определить сетевую структуру молодежи страны. Наиболее эффективным методом для решения этой задачи выступает, на наш взгляд, неоинституциональный подход.

В рамках неоинституционального подхода (Д. Норт [7], Д. Марч, Й. Ольсен [11], О. Уильямсон [14]) к анализу институциональных изменений исследователям удалось выявить особую роль социокультурного контекста в процессе легитимации формальных институтов. Им удалось показать, что главная проблема при анализе институциональных изменений – это выявление когнитивных конструкций, которые влияют на восприятие людьми окружающего мира и, следовательно, на то, как они объясняют и оправдывают его, считают ли они существующие формальные институты справедливыми или несправедливыми. С точки зрения неоинституционализма, можно ввести любые правила, но никто и ничто не гарантирует, что общество будет эти правила соблюдать, что в обществе не начнут формироваться социальные структуры, стремящиеся обойти введенные формальные нормы, или же вовсе ликвидировать режим, постоянно навязывающий нелегитимные институты. Таким образом, неоинституционализм обозначил проблему социального поведения, противоречащего формальным институтам, и подчеркнул необходимость анализа социокультурной легитимации политических институтов.

В рамках теории социального капитала (Р. Патнэм, П. Бурдье, Дж. Коулман, М. Грановеттер и др. [3, 10]) был впервые поставлен вопрос о факторе доверия во взаимоотношениях государства и общества. Доверие составляет основу социального капитала, циркулирующего внутри социальных сетей. Наличие социального капитала в обществе, в свою очередь, является залогом успешного функционирования демократических режимов. Однако как показал М. Олсон [12], существует и «негативный» социальный капитал, препятствующий нормальному функционированию демократических институтов. Тем не менее, условия и факторы формирования в обществе такого рода «негативного» социального капитала остаются неисследованными, равно как и социальные сети, которые формируются на основании подобного «негативного» социального капитала.

На основании наличия / отсутствия в обществе социального капитала возникают и укореняются различные типы социальных сетей. Опираясь на

типологию стратегий поведения А. Хиршмана, представляется возможным выделить три основных типа взаимодействия социальных сетей и государства: «лояльность» (“loyalty”), «выход» (“exit”) и «голос» (“voice”). Социальные сети «лояльности» постоянно присутствуют в каждом обществе: это сети влияния и доверия, в определенной степени оказывающие поддержку существующему режиму. Это могут быть лоббистские сети, неформальные сети взаимодействия государства и бизнеса, это общественные структуры и сети СМИ, лояльные режиму и как бы подпитывающие его «снизу». Это те сети, которые обеспечивают консолидацию режима и интеграцию общества вокруг оснований действующей политической системы.

Социальные сети, выбирающие стратегию «выход» в своих взаимоотношениях с государством, представляют ту часть общества, которая не склонна поддерживать режим и не считает этот режим (или отдельные его институты) легитимным, однако в то же время не готова или не стремится к открытому протесту. По сути, эти сети объединяются на основании стремления максимально дистанцироваться от формальных норм и правил, навязанных государством, но не признанных легитимными. Наиболее яркими примерами таких сетей являются, конечно же, коррупционные сети, мафия [9], криминальные сети [5], которые возникают в сферах бизнеса, запрещенных государством (таких, как, например, наркотрафик, игорный бизнес, продажа оружия и пр.), в авторитарных режимах это, как правило, подпольные сети самиздата, различного рода субкультуры, неформальные общества и пр.

Социальные сети «голоса» – это сети, открыто выражающие свой протест против режима или отдельных институтов этого режима, которые они не считают легитимными. Примерами таких сетей в современном обществе являются террористические организации, радикальные религиозные сети, сети этнических сепаратистов, радикальные молодежные движения и пр. Необходимо отметить, что социальные сети типа «голос», к счастью, не сформировались в нашей стране или, во всяком случае, представляют собой локальные и маргинальные группы.

Проблема в нашем случае состоит в том, что сети «лояльности» составляют те, кто уже преуспел в рамках существующей системы и совершенно не заинтересованы в ее трансформации. Молодежь же в сетях «лояльности» представлена достаточно слабо. По существу, наличие лояльной, ценностно-ориентированной молодежи больше имитируется в ходе ритуальных акций. Пока подобная молодежь представляет собой скорее благое пожелание, нежели несомненную реальность, на которую властные группы, заинтересованные в модернизации, могли бы опереться.

Библиографические ссылки

1. *Афанасьев М.* Российские элиты развития: запрос на новый курс. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009.

2. *Афанасьев М. Н.* Клиентелизм и российская государственность / М. Н. Афанасьев. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 320 с.
3. *Бурдые П.* Социология политики / П. Бурдые. – М.: Logos, 1993. – 336 с.
4. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. Избранные произведения. – М, 1990.
5. *Волков В.* Силовое предпринимательство / В. Волков. – СПб: ЕУСПб; Летний сад, 2002. – 282 с.
6. *Коктыш К. Е.* Социокультурные рамки институализации политических практик и типы общественного развития // Полис, 2002. – №№ 4, 5.
7. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 157 с.
8. *Akerlof G. A.* The Market for Lemons. Qualitative Uncertainty and the Market Mechanism. *Quarterly J Economics*. 1970 v.84 pp.488-500.
9. *Gambetta D.* Mafia: The Price of Distrust // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / D.Gambetta (ed.). - Oxford: Basil Blackwell, 1988. - Pp.158-176.
10. *Hayoz N., Sergeyev V.* Social Networks, Civil Society and the Prospects for Consolidating Russia's Democratic Transition//Badescu G. (ed.) Social Capital and the Transition to Democracy. London, 2003.
11. *March J. G., Olsen J. P.* Rediscovering institutions: The organizational basis of politics. New York: Free Press/Macmillan, 1989.
12. *Olson M.Jr.* Distinguished Lecture on Economics in Government: Big Bills Left on the Sidewalk: Why Some Nations Are Rich and Others Poor // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 10. № 2. 1996.
13. *Shcumpeter J.* The Theory of Economic Development Cambridge MA. Harvard University Press. 1934.
14. *Williamson, Oliver E.* The Modern Corporation: Origins, Evolution, Attributes // *Journal of Economic Literature* (December 1981). Vol. 19, No. 4. P.